

10.02.98

Любовь как локомотив творчества

Был ли великий драматург Брехт эксплуататором талантов и агентом КГБ?

Рек. Москва. - 1998. - 10 февр. - с. 7.

Бомбы продолжают взрываться и поражают не только живых, но и мертвых. Бомбы, начиненные не только порохом и металлом, но и интеллектуальным ядом. Одну из таких, филолого-эротических, бомб, судя по сообщениям многих газет мира, несколько лет тому назад взорвал американский профессор, чья фамилия в русской транскрипции выглядит то ли как Фьюэджи, то ли Фуэджи, то ли Фуэги...

Джон Фуэги, назовем его так, выпустил толстенную книгу, в которой, манипулируя многочисленными документами и свидетельствами, выстроил скандальный облик человека, который уже при жизни был признан классиком современной драматургии. Если поверить этим изысканиям профессора, его «подследственный» был беззащитным эксплуататором чужих литературных дарований, завел у себя сущий гарем, ничего не написал самостоятельно, а кроме того, был агентом Лубянки и антисемитом. «Секс ради текста» — формула Фуэги привела к громкому судебному процессу, в котором истцами были наследники драматурга.

Речь идет о Бертольте Брехте, чьи пьесы продолжают победное шествие по театральным сценам всех континентов. По свидетельству известного писателя и переводчика произведений Брехта на русский язык Льва Копелева, только за первые десять лет после его смерти, т. е. в 60-е годы, в 53 странах состоялось 1436 премьер по его пьесам. А ныне, как сообщил в беседе с корреспондентом «Вечерки» Юрий Оклянский, московский писатель, работающий в жанре литературной биографии, и автор только что вышедшей в издательстве «Совершенно секретно» книги «Гарем Бертольта Брехта», немецкий драматург и поэт по числу театральных постановок в мире прочно делит второе — четвертое места с Антоном Чеховым и Мольером после Шекспира.

Международная известность, даже слава пришли к тридцатилетнему сыну бумажного предпринимателя из Баварии Брехту после премьеры его «Трехгрошовой оперы» в 1928 году, и очень скоро ее поставил и в Москве выдающийся русский режиссер Александр Таиров.

...В подразделении «КК» (контроля корреспонденции) на Лубянке, которым командовал капитан госбезопасности (равно армейскому полковнику) Соколов, бдительные цензоры во главе с лейтенантом (т. е. капитаном) по имени Вера Карловна отпарили и вскрыли письма из крымского санатория от больной туберкулезом возлюбленной и помощницы Брехта Маргарет Штеффин. Драматург привез ее в 1932 году на лечение и просил писать ему о жизни в СССР. В письмах были подозрительные, на взгляд чекистов, наблюдения — о женском труде, о положении церкви, о детях-беспризорниках, о других трудностях «первой страны социализма». Уж не для прокорма ли антисоветской пропаганды?.. Так, с первого посещения Брехтом Советского Союза началась за ним слежка, велась его агентурная разработка. Брехта «разрабатывали» также и в гитлеровской Германии, откуда ему удалось бежать и осесть в Дании, а затем переехать в США. А там его «пасло» ФБР как человека, не скрывающего своих симпатий к нашей стране.

Почти двадцать лет тому назад одна солидная германская газета утверждала: «Брехт скучен и устарел». Но ей противостоит более раннее утверждение немецкого классика нашего столетия Лиона Фейхтвангера, одного из первых соавторов своего младшего (на 14 лет!) друга: «Нетерпеливый поэт

Брехт написал первые стихи и первые пьесы третьего тысячелетия... в полном объеме его творчество оценят только потомки».

Те московские театралы, которые не пропускали брехтовских премьер «На Таганке», в Ленком, Вахтанговском, Сатире, Ермоловском, театре им. Маяковского, «Сатириконе», не нуждаются в доказательствах правоты второго утверждения. Но и им, и более широким кругам читателей будет, безусловно, интересна новая книга Юрия Оклянского, увлекательно повествующая о жизни и судьбе Брехта.

«Писатель рано осознал противоречивые свойства собственной натуры, две главные страсти: художника-мыслителя и ненасытного пожирателя радостей бытия», — пишет Ю. Оклянский, приводя шуточно-парадоксальные дневниковые записи 29-летнего Брехта: «...я слишком презираю несчастливых. ...Если бы можно было поглощать вышедший взлет и оргазм почти без перерыва!.. Мыслей гораздо меньше, чем баб».

Но Брехт не только парадоксален. О чем и толкуем с автором биографической книги о великом драматурге.

— Как бы вы, Юрий Михайлович, сформулировали самую суть чествования памяти Брехта, которому 10 февраля исполнилось бы 100 лет?

— Чествуется классик мировой драматургии, реформатор театра. Он состоит в творческом родстве с нашими соотечественниками — Мейерхольдом, Эйзенштейном. Это линия XX века, а в широком смысле она восходит к площадному театру, возвращается к Шекспиру. Поэтому брехтовский театр — театр мысли, театр острой дискуссии, театр политического варьете. У этого театра

много направлений. Из него вышел Любимов, поэтому в Театре на Таганке — портреты Мейерхольда, Вахтангова, Брехта. Очень важно знать, и этому посвящена моя книга, что Брехт — ревнитель новой нравственности. Что-то было в этом от коммунистической утопии. Но с другой стороны, это было искреннее движение общественной мысли, направленное против застывших догм, консервативных форм, сложившихся устоев. И он сам так жил, потому что был поэтом и нуждался в любви... Но радикализм Брехта выходил за рамки отношений между полами. Это еще и этика солидарности, этика коллективного труда.

— Отсюда его «гарем», в котором рядом с официальной женой драматурга жили его литературные сотрудницы-возлюбленные?

— Да, и об этом подробно рассказано в книге. В одном из своих стихотворений его многолетняя помощница Маргарет Штеффин писала: «С тобой связана в одно и существом твоя я с тех пор, как у тебя нашла поддержку духа». Брехт не был ни интеллектуальным эксплуататором, ни тем более плагиатором. На титуле многих его пьес помечено: «Написано в сотрудничестве с...». Беда в другом — это юридически ущербная формула, и сам драматург признавал: «Я весьма небрежен в отношении интеллектуальной собственности». И это во многом предопределило продолжающиеся до настоящего времени судебные тяжбы вокруг его творческого наследия.

— Но был ли Брехт «агентом КГБ», антисемитом?

— Все это не доказано. Обе официальные жены Брехта, актрисы, были еврейки. Нет также данных о его связи с Лубянкой. И для немецкого издания американскому про-

фессору пришлось сделать купюры.

— А как сегодня относиться к коммунистическим симпатиям Брехта?

— Он ненавидел германский фашизм, который знал хорошо, но идеализировал примерно до конца 40-х годов Советский Союз, который знал все-таки весьма неглубоко. Впрочем, не он один был такой. Драйзер, Арагон, Пикассо были членами коммунистической партии. Ромен Роллан, Генрих Манн, Лион Фейхтвангер, Джон Стейнбек — «сочувствующие». Вспомним: то было время антигитлеровского единения левой интеллигенции, роста антикапиталистических настроений — ведь фашизм возник в недрах капитализма 20-х годов... Брехт даже изложил «Коммунистический манифест» стихами, заставив помочь себе Фейхтвангера.

— В ГДР Брехт считался представителем соцреализма, ему дали свой театр...

— Правильнее сказать, что его сатирический дар — в отрицании. В отрицании уродств капитализма начала нашего века, в отрицании фашизма, тоталитаризма. В пору нашего «застоя» Брехт привлекал постановщиков возможностью «аллюзий».

— Чехов и Брехт — в числе самых популярных драматургов нашего времени. Но ведь они совсем разные! А интерес к обоим не иссякает...

— Очень интересный вопрос. Я думаю, что тут надо говорить о Брехте как о писателе XX века. Чехов — преимущественно психолог. Его интересует отдельный человек. А Брехт почувствовал главное в XX веке — массы манипулируют. Началась манипуляция не отдельными людьми, а народами. Пришли фюреры, вожди... Он увидел и то, что роль одиночек — гениальных одиночек, одиночек-прорицателей будущего, вперед смотрящих — несканно возросла.

— Эта линия антитоталитарная?

— Совершенно верно. В этом состоит некоторый драматизм самого Брехта. Дальше «коммунизма с человеческим лицом» он не пошел. Но у Брехта есть стихотворение, озаглавленное с вызовом — «Непогрешим ли народ?». А там есть строки: «Мой учитель Третьяков... расстрелян... как шпион, его имя проклято, его книги уничтожены... И если он невиновен, что испытал он, идя умирать?». Это — о сталинских репрессиях. И еще — мысль, занесенная в дневник: «Политическая теория исполняет собачьи функции».

...Брехт утверждал: «Мои правила действительны только для людей с неугасшей свободой суждений, духом противоречия и социальной фантазией...». И вряд ли эти правила могут устареть, им и впрямь путь — в третье тысячелетие.

Герман БРОЙДО